

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

Любимый
плут

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Caroline Linden
ABOUT A ROGUE

Перевод с английского *И. Родина*

Компьютерный дизайн *Е. Лазаревой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линден, Кэролайн.

Л59 Любимый плут : [роман] / Кэролайн Линден ; [перевод
с английского И. Родина]. — Москва : Издательство АСТ,
2026. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-179859-8

Пытаясь спасти сестру от вынужденного замужества с нелюбимым человеком, Бианка Тейт занимает ее место у алтаря. Известному повесе Максимилиану Сент-Джеймсу по большому счету все равно, кого из сестер брать в жены, — до тех пор, пока в комплекте с девушкой идут доля в престижном керамическом бизнесе Тейтов и возможность стать герцогом. Вот только Макс и не подозревал, что умная, очаровательная и острая на язык Бианка всерьез вскружит ему голову. Вот и приходится любвеобильному плуту учиться быть любящим мужем...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-179859-8

© P.F. Belsley, 2020
© Перевод. И. Родин, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Пролог

Новость о безвременной кончине vicария прихода Святой Марии в Китлестоне распространялась на волне смятения, вызывая искреннюю скорбь среди прихожан. Ему было всего сорок пять, и он пользовался всеобщей любовью — выдержанный, приветливый, готовый поддержать добрым словом, протянуть руку помощи и выслушать с сочувствием любого, кто в том нуждался.

Приходские дамы собрались, чтобы подержать невесту покойного — мисс Калверт, тоже любимицу города. Ее безутешные рыдания мало у кого из соседок не вызвали собственных слез. Дамы тихо рассуждали о том, как это чудовищно прискорбно и для бедной мисс Калверт, и для всего прихода, потому что разве можно найти замену такому человеку?

В двадцати милях от них, в ветшающем великолепии замка Карлайл, эта новость вызвала совсем другую скорбь, а также дрожь отчаяния, от которой, казалось, содрогнулся весь огромный дом. Стивен Сент-Джеймс был не только уважаемым vicарием церкви Святой Марии, но также и младшим братом его светлости герцога Карлайла.

— Все из-за раны от ржавой косы, — сказал мистер Эдвардс, семейный поверенный в делах. Получив известие об ухудшающемся состоянии здоровья лорда Стивена два дня назад, он тут же приехал в замок. — Лорд Стивен пользовался ею, чтобы удалять дикий виноград, и случайно порезал ногу. К тому времени когда послали за врачом, рана

уже основательно воспалилась. Мне сказали, что он почти не мучился, слава богу.

Ее светлость герцогиня Карлайл смотрела в окно. Глаза у нее хоть и были сухими, а подбородок гордо вздернут, волнение выдавали руки, комкавшие носовой платок.

— Благодарение Господу и за это. Мой дорогой мальчик, — проговорила она едва слышно. — Ему так нравился его сад...

— Когда это случилось, мисс Калверт была рядом с ним. Она предложила послать за доктором, но ему показалось, что порез несерьезный, — сообщил мистер Эдвардс с неохотой, поскольку пообещал сделать это.

Эмили Калверт была на грани истерики, когда умоляла, чтобы он попросил для нее прощения и милости у герцогини, считая себя убийцей из-за того, что не настояла на немедленном вызове врача.

— Бедная девочка, — откликнулась герцогиня, все так же глядя в окно. — Она не должна винить себя. Никто не смог бы заставить Стивена проявить беспокойство. Это было не в его характере. — Голос у нее на этот раз дрогнул, и она сделала глубокий вдох. — Отправьте кого-нибудь: пусть посмотрят, не нуждается ли мисс Калверт в помощи.

Мистер Эдвардс откашлялся:

— Ей хотелось бы навестить его могилу.

Герцогиня помолчала, потом со вздохом заметила:

— Сначала нам нужно положить его в могилу, а потом, разумеется, она может ее навестить. Вряд ли я могу запретить ей это.

Мистер Эдвардс сделал для себя какую-то запись, сверившись с фарфоровыми часами на столе, которые продолжали мерно тикать.

— Есть ли какие-нибудь пожелания насчет похорон, ваша светлость?

— Хейвуд знает, что нужно делать, — упомянула она величественного дворецкого Карлайлов. — Пусть все будет так, как с... леди Джессикой.

Речь шла о единственной любимой дочери герцогини, которую похоронили семь лет назад, но голос у герцогини все равно дрогнул, когда она упомянула ее имя.

— Да, мадам. — Перо нацарапало еще несколько слов. — Полагаю, его светлости уже сообщили.

Лицо герцогини исказилось.

— Нет. Я сделаю это потом. Утром он не очень хорошо себя чувствовал.

— Разумеется, — пробормотал мистер Эдвардс.

Как ни трудно ей было сейчас, после потери младшего сына, но герцогине предстояло сказать последнему своему оставшемуся в живых ребенку о том, что нужно снова вскрывать двери семейного склепа, чтобы похоронить его брата. Весьма сомнительно, что такой разговор будет коротким или легким. Ум герцога не был ни быстрым, ни острым, а его восприятие и вовсе полно неопределенности.

Но с этим поделаться он ничего не мог. Мистер Эдвардс помедлил, прежде чем вернул перо на подставку.

— Есть еще один вопрос, который мы должны обсудить...

— Да-да, — резко проговорила герцогиня, опять отвернувшись к окну. — Я знаю.

Поверенный подождал, но не услышал ничего в ответ, а поскольку дело было срочным (герцогиня согласилась бы с ним, если бы горе не навалилось на нее сейчас), неохотно продолжил:

— Я взял на себя смелость отследить записи (всегда лучше получить как можно больше информации, полагаю), хотя искренне сожалею, что пришлось прибегнуть к этому...

— В самом деле? — Герцогиня сделала заметное усилие, чтобы внутренне собраться, и мистер Эдвардс отвел глаза, стараясь не показаться назойливым. — Тогда поговорим об этом, — твердо произнесла герцогиня. — Кто он?

Лорд Стивен был не только младшим братом герцога, но и единственным наследником. В результате жуткого несчастного случая, который произошел с герцогом несколько

лет назад, он превратился в несмышленного младенца. Герцог никогда не был женат, у него не было и не могло быть детей, и смерть лорда Стивена означала, что поместье и вся недвижимость отойдет к какому-нибудь дальнему кузену.

Все обитатели замка Карлайл молились, чтобы лорд Стивен женился и обзавелся наследником. Мисс Калверт не была юной девушкой, но совершенно определенно еще не перешла тот возраст, когда еще можно выносить и родить ребенка. Кроме того, их с лордом Стивеном связывало искреннее чувство. Теперь все надежды пошли прахом. И это означало, что где-то бродит предполагаемый наследник, который даже не представляет, что скоро унаследует огромное состояние.

Из портфеля мистер Эдвардс вытащил лист бумаги. Тридцать лет назад второй сын Карлайлов, лорд Уильям, был убит в американских колониях незадолго до несчастного случая с герцогом. Годы шли, но лорд Стивен так и не обзаводился женой, и процесс наследования становился все более неопределенным. Не поднимая шума и ничего не афишируя, мистер Эдвардс начал проводить проверку в отношении трех человек, исходя из мрачной возможности, что такой день может наступить.

И даже так, несмотря на срочную необходимость, все должно было быть осуществлено с исключительной деликатностью. Эдвардс служил Карлайлам уже больше двадцати пяти лет — этого вполне достаточно, чтобы узнать о семейных тайнах и скелетах в шкафу. Он решил начать издалика.

— Капитан его величества шотландского полка Эндрю Сент-Джеймс. Его дед был младшим братом его светлости четвертого герцога.

— Да, — откликнулась она. Выражение лица герцогини было невозможно понять при упоминании о ее покойном муже. — Я помню. Он, должно быть, внук Адама. Этот молодой человек хоть в чем-то напоминает своего деда?

Мистер Эдвардс откашлялся. Лорда Адама все считали очень добрым, мягким и чувствительным, и тем не

менее это не уберегло его от жестокой ссоры со старшим братом, четвертым герцогом, и лорду Адаму пришлось покинуть родные пенаты, но произошло это давным-давно.

— Даже не представляю, ваша светлость. По моим данным, капитан Сент-Джеймс — человек благородный и уважаемый.

Герцогиня хмыкнула:

— Сколько ему? Он женат?

— Ему около тридцати, мадам, и он не женат, насколько мне известно.

Она вздохнула:

— Тут должен быть военный.

Ее второй сын ушел в армию и не вернулся. Герцогиня была невысокого мнения об армии.

— Полагаю, нам нужно радоваться, что он дожил до таких лет. Это может означать только одно: или он очень умен, или исключительно глуп. Даже не знаю, что предпочла бы я. Кто еще?

Эдвардс вытащил следующий лист:

— Мистер Максимилиан Сент-Джеймс.

— Судя по вашему тону, этот молодой человек не слишком респектабелен.

Поверенный взглянул на нее:

— Вы правы, ваша светлость, он игрок. Мне не удалось обнаружить других источников его доходов, но его хорошо знают в игорных домах. Ведет происхождение от второго герцога, ему двадцать семь, и тоже не женат.

— Молодые современные британцы сплошь беспутные идиоты, — буркнула герцогиня и сурово нахмурилась. — Есть кто-нибудь еще?

— Э... возможно. — Мистер Эдвардс заколебался, поскольку вступал на зыбкую почву. — У его светлости четвертого герцога было два младших брата.

— О да, — произнесла леди после паузы не без удивления. — О боже! Я совсем забыла о нем.

Поверенный кивнул. Не только герцогиня: о нем не помнил почти никто, потому что так приказал герцог. Лорд Адам попал под запрет, но его имя все-таки упоминалось в Карлайле, а вот лорд Томас Сент-Джеймс исчез в пятилетнем возрасте, и так, словно его никогда не существовало. Он был любимчиком матери, причем таким, что та забрала его с собой, когда сбежала от мужа — третьего герцога, и вернулась в родную Францию. Сплетничали, что она воссоединилась там со своим французским любовником, виконтом, и, по слухам, отцом лорда Томаса.

Скандал разразился чудовищный, и третий герцог объявил, что жена и сын умерли для него, а вдобавок и половину слуг выкинули за дверь из-за сплетен на ее счет. После этого в Карлайле ни слуги, ни персонал никогда не упоминали сбежавшую герцогиню и ее сына. Четвертый герцог так и не простил матери ее побег, и со временем Анна-Луиза и ее сын Томас были полностью вычеркнуты из памяти.

— Я предпринял несколько попыток, чтобы хоть что-то о них узнать, но все оказалось безуспешно. — Мистер Эдвардс помолчал. — Прошло столько времени. Кто знает: может, их уже и в живых нет.

Герцогиня фыркнула:

— Разве что внуки. Ему, должно быть, уже лет восемьдесят, а то и больше. Мужская часть Карлайлов не живут так долго. — Ее лицо вновь исказилось от горя, но потом она продолжила: — И внуки, даже если они у него есть, должно быть, французы.

— Скорее всего, — пробормотал мистер Эдвардс. — Мне хотелось бы основательно заняться поисками лорда Томаса и его потомков.

— А вам это зачем? — спросила она резко.

Поверенный заколебался:

— Если у лорда Томаса остался сын или внук... Его претензии будут превалирующими, ваша светлость.

Минуту герцогиня посидела с выражением горестного неодобрения на лице, затем ядовито заметила:

— Военный, карточный игрок или француз. Ее взгляд поднялся к потолку, покрытому роскошной росписью, затем переместился в сторону высоких сияющих окон, обежал изысканную мебель, картины в позолоченных рамах. — И один из них получит Карлайл. — Дама опять повернулась к Эдвардсу. — Пошлите за всеми, но эти двое должны быть здесь, и как можно скорее. Я не могу позволить, чтобы какой-нибудь круглый дурак или бессердечный мерзавец заняли место моего сына.

— Да, мадам.

— Навестите меня на следующей неделе, — продолжила герцогиня. — У меня будут кое-какие распоряжения на счет этого безрадостного набора наследников и, кроме того, есть несколько вопросов, касающихся поместья, которые должны быть улажены как можно скорее.

Мистер Эдвардс вздохнул:

— Ваша светлость, я не могу заниматься всеми делами поместья, даже если бы поселился в замке. Вы должны позволить мне нанять нового управляющего. Мистер Граймс заверил меня, что он ни в коем случае не вернется на свой пост, и боюсь, что так и есть.

Герцогиня нетерпеливо отмахнулась.

— Хорошо-хорошо. Но только с испытательным сроком! — Поверенный выдохнул с облегчением, а она добавила: — Граймс меня вполне устраивает, и я не оставляю надежды на его возвращение.

Мистеру Граймсу было почти семьдесят, и он серьезно страдал от болезни легких, так что на свой пост он не вернется. Мистер Эдвардс уже решил вопрос с его пенсией, осталось только получить согласие герцогини, а также решить вопрос с заменой. Пока все заботы лежали на плечах мистера Эдвардса, и после полугода такой жизни он был сам готов подать в отставку.

— Я наведу необходимые справки, как только окажусь в Лондоне, мадам.

— Хм... — Мрачно взглянув на поверенного, герцогиня погрозила ему пальцем. — Нужен здравомыслящий, надежный человек с большим опытом управления подобным поместьем, а не один из этих голодных молодых людей, которым хочется поэкспериментировать, чтобы улучшить то, что и так прекрасно работает и не требует улучшения!

— Естественно, мадам.

— Можете идти, — объявила герцогиня, и мистер Эдвардс поднялся, собрал бумаги и, кланяясь, вышел из комнаты.

София Констанс Сент-Джеймс, когда-то самая завидная наследница в Англии, сидела в своем обтянутом шелком кресле, безучастно смотрела в высокое многостворчатое окно, за которым виднелся идеально подстриженный газон, а на дальних холмах там и сям тучные стада овец, и ее униженные перстнями пальцы стискивали носовой платок из тончайшего ирландского полотна. Это все был Карлайл, акры земли, которые лежали в поле зрения, а еще и те, которых взглядом не охватишь.

Почти шестьдесят лет назад она приехала сюда молодой женой Джорджа Фредерика, четвертого герцога, который был старше ее вдвое. В день свадьбы мать прошептала ей на ухо, чтобы она сразу поставила себя, иначе будет уступать всю жизнь. Вот София и решила «поставить». Она была единственным ребенком и наследницей богатого банкира, который дал за ней целое состояние, поэтому потребовала от мужа признать ее достоинство. И он, несмотря на свое высокомерие и замашки тирана, смирился с этим, потому что молодая жена не оставила ему выбора.

Когда он умер, София ожидала, что жить станет проще и комфортнее, но тут навалились мучения из-за сокрушительной потери одного сына, потом произошло фатальное ранение ее старшего ребенка, затем смерть единственной дочери. Однако она не падала духом, оставаясь верной своему долгу. Почти тридцать лет она продолжала защищать все, что было у нее перед глазами, вместо сына, в яростной

надежде на то, что Карлайл в целостности и сохранности перейдет к следующему поколению.

Теперь поместье перейдет к кому-то другому, у кого есть сын, а ей предстоит похоронить своего — нежного, умного, любимого Стивена, усладу ее сердца. Горло перехватило от душевной боли. Трое ее детей мертвы. Ушли все мечты, канула вся любовь. Оставался, правда, в живых ее старший сын Джонни, но он больше ей не принадлежал и не будет жить так, как ей мечталось. Бескрайняя зелень за ее окном не радовала глаз — должно быть, мираж.

Легкое движение возле юбок отвлекло ее от мрачных мыслей.

— О, это ты, Персиваль! — воскликнула герцогиня, когда рыжий кот вскочил ей на колени.

— Простите меня, ваша светлость, — сказала Филиппа Киркпатрик, входя в комнату. — Он лежал у двери и ждал, пока откроют.

Герцогиня улыбнулась, подняв кота так, чтобы мордочка оказалась перед лицом.

— Не желаешь оставаться в стороне, мое великолепное животное, да?

Она опустила кота, и тот тут же свернулся у нее на коленях, прикрывшись хвостом.

— Выгнать его? — спросила Филиппа.

— Нет-нет, Пиппа, пусть остается, — сказала герцогиня и пальцами взъерошила, а потом пригладила кошачью шерстку. — От него веет теплом и уютом.

Девушка молча села на стул рядом с ней, сложила руки на коленях и стала ждать, за что герцогиня была ей очень признательна. Несмотря на юность, Пиппа не принадлежала к тем нынешним взбалмошным девицам с нарумяненными щеками, которые охочи до танцев, игры в карты и флирта. Это была добрая и всегда чуткая, с нежным и верным сердцем, милая девочка, с первого момента, когда герцогиня увидела ее: это произошло в день бракосочетания Джессики с отцом Пиппы — Майлзом. Устроившись

у него на руках, малышка Пиппа посмотрела на нее большими карими глазами, улыбнулась, чем тут же и покорила герцогиню.

«Смотри, мама, — сказала тогда Джессика с ясной улыбкой, погладив девочку по голове. — Я получила вместе с мужем и дочку!»

Они обе сразу же полюбили Пиппу как собственного ребенка. Девочка выросла очень похожей на Джессику, и в глубине души герцогине хотелось, чтобы Пиппа действительно была ее внучкой.

Она тихо вздохнула: ею вновь овладела печаль. Теперь у нее никогда не будет внуков.

— Миссис Хамфрис привезла креп?

— Да, мадам. Служанки завешивают зеркала.

Взглянув на нее, герцогиня обратила внимание на цвет ее платья:

— Я вижу, ты уже переоделась.

Пиппа разгладила черные юбки:

— Лорд Стивен всегда был добр ко мне, мадам. Это неправильно, что он ушел таким молодым.

— Да, — тихо подтвердила герцогиня. — Абсолютно неправильно! Эдвардс хочет поговорить насчет наследника.

Девушка удивленно распахнула глаза:

— Так поспешно? О, мадам, это неправильно, бестактно!

Рука герцогини резко дернулась, потревоженный Персиваль мяукнул, и она опять погладила его.

— Нет тут никакой спешки! Нужно было заняться этим еще годы назад, если бы я не была так уверена в Стивене... — Герцогиня закрыла глаза, неожиданно вспомнив мальчишескую улыбку сына, голос, когда он заверял ее, что прекрасно понимает свой долг перед Карлайлом. «Не бойся, мамочка, — пообещал он ей, когда пришел сообщить, что обручился с мисс Калверт. — Я тебя не подведу».

С усилием герцогиня оттолкнула воспоминание. Сегодня она окружена призраками.

— Вероятные кандидаты уже взрослые мужчины со своими целями в жизни, по всей вероятности, и, конечно, не соответствуют той мере ответственности, которая ляжет на них. — Она помолчала. — У меня нет никакого желания отдать Карлайл в руки невежественного болвана. Возможно, что я не смогу указать на того, кто станет наследником, но непременно воспользуюсь всеми рычагами, которые имеются в моем распоряжении, чтобы заставить их быть достойными титула. Я послала за ними.

— Да, мадам, — кивнула Пиппа после короткой паузы.

Герцогиня продолжала:

— Мне нужна твоя помощь. Они быстро поймут, в чем заключается моя роль, начнут льстить мне и ублажать, но ты... Тебя они не станут обхаживать. Ты должна стать моими глазами и ушами, чтобы понять их истинные чувства и намерения.

— Конечно, мадам. Если пожелаете.

Повернувшись к ней, герцогиня печально улыбнулась.

— Я так надеюсь на тебя, Пиппа.

Девушка улыбнулась в ответ:

— Сделаю все, что в моих силах, ваша светлость.

— Знаю, ты постарайся, потому я и прошу об этом тебя, бедное дитя.

— Ничуть я не бедная! Для меня радость поддержать вас.

Герцогиня похлопала ее по руке:

— Ты всегда была такой отзывчивой, девочка.

Какое-то время они обе молча смотрели в окно, наконец герцогиня произнесла:

— Самый подходящий наследник — армейский офицер. Я надеюсь на него. Надежда, конечно, слабая, но ты тут, рядом. Мистер Эдвардс сказал, что он уважаемый человек, чтобы это ни означало в армии. А вот другой... — Она недовольно прищелкнула языком. — Игрок! И родственная связь очень дальняя. Нет, от него я не жду ничего хорошего.

— Такие способны удивить вас, мадам.

— А могут и не удивить! — отрезала герцогиня. — Но любой из них предпочтительнее француза. Мой муж в гробу перевернется при мысли, что Карлайл отошел французу. — Она задумалась на мгновение, потом оживилась. — Игрок — это самый безнадежный вариант. Игрок — он всегда игрок. Это как зараза в крови. А что касается француза... — Она вздохнула. — Надеюсь, что его даже не существует, ну или его не удастся разыскать. Нет, нам нужно молиться в надежде на лучшее, а это означает, что мы должны возложить наши чаяния на капитана Сент-Джеймса.

Глава 1

Максимилиан Сент-Джеймс быстро убедился, что репутация обогнала его. Это стало понятно по поведению дворецкого в парике, который с каменным недовольным выражением лица распорядился отнести его багаж наверх, в комнату для гостей. Также это распознавалось в настороженном недоброжелательном взгляде, которым окинул его поверенный при их знакомстве, что сразу напомнило ему учителей, которые оценивали его, прежде чем попытаться — заведомо напрасно! — вложить в него какие-то знания в греческом или теологии.

Но отчетливее всего это читалось в лице самой герцогини Карлайл, которая восседала в своем похожем на трон кресле и пристально, не мигая, рассматривала его, словно ожидала, что он сунет серебряный прибор за манжету, а потом умыкнет.

Что ж, Макс к этому привык, и ему было все равно.

В конце концов, если герцогине не хотелось видеть его здесь, не надо было присылать ему письмо, которое больше походило на королевский указ с повелением прибыть сегодня лично в замок, словно он какой-то слуга или же собачка, готовая мчаться по щелчку к хозяйке.

Увы! Письмо разбудило в нем острое любопытство, и поэтому он откликнулся на послание герцогини, вместо того чтобы просто разорвать его на глазах у стоявшего с поджатыми губами слуги, который его доставил, и выбросить. В нем содержался некий намек на выгоду, который